

[Рец. на: / Review of:] **A. C. Harris. Multiple exponence.** Oxford: Oxford University Press, 2017. xviii, 294 p. ISBN 9-780-19-046435-6.

Пётр Михайлович Аркадьев

Peter M. Arkadiev

Институт славяноведения РАН, Москва, 119991, Российская Федерация; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 125993, Российская Федерация; peterarkadiev@yandex.ru

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 119991, Russian Federation; Russian State University for the Humanities, Moscow, 125993, Russian Federation; peterarkadiev@yandex.ru

Множественное выражение грамматического значения в рамках словоформы — явление столь же распространенное в языках мира, сколь и обойденное должным вниманием морфологов и типологов. Сам термин «множественное выражение» (multiple exponence), или «расширенное выражение» (extended exponence) был введен в книге [Matthews 1972: 82, 133–135] в первую очередь для описания случаев вроде латинских форм перфекта типа *rēxī* /*re:k-s-i:/*, где грамматический признак [аспект: ПЕРФЕКТ] выражен дважды: суффиксом *-s* и суффиксом 1 л. ед. ч. перфекта *-ī*. Аналогичные случаи нетрудно найти и в русском языке, ср. склонение слова *друг* ~ *друзья* и целого ряда других существительных, где признак [число: МНОЖ] выражен как регулярными падежно-числовыми флексиями, так и особой формой основы. В большей части теоретических работ по морфологии, где множественное выражение вообще обсуждается, исследователи в первую очередь или старались каким-либо образом «списать» его, представив как «на самом деле» несуществующее, или же, признавая множественное выражение как эмпирический факт, пытались предложить разной успешности пути его формального описания и формального же ограничения. В качестве примера первого подхода нельзя не привести предлагаемый в, возможно, наиболее авторитетном в отечественном языкознании труде по морфологии — «Курсе общей морфологии» И. А. Мельчука — «Принцип единственного значащего средства» [Мельчук 2001: 153; 2006: 337–338]:

«В случае, когда наличие в некоторой словоформе **w** определенного грамматического значения ‘s’ соответствует наличию в этой словоформе **w** нескольких морфологических средств, следует выбрать в качестве носителя значения ‘s’ только одно из этих средств и именно его и считать ⟨...⟩ морфологическим грамматическим знаком; все остальные присутствующие в словоформе морфологические средства должны быть признаны в данном случае незначимыми — пустыми операциями или пустыми знаками, автоматически сопутствующими избранному грамматическому знаку» [Мельчук 2001: 153].

В соответствии с данным принципом, различие основ типа русск. *друг-* ~ *друзьj-* оказывается незначимым, как и противопоставление флексий инфекта и перфекта в латыни. Не останавливаясь подробно на теоретической, эмпирической и психолингвистической сомнительности подобных описаний¹, отмечу, во-первых, что в системе И. А. Мельчука множественное выражение тем не менее ограничено, но допускается, ср. понятие «дублированное (двойное) выражение грамлеммы» [Мельчук 2001: 390–395; 2006: 183 и сл.]. Во-вторых, пока морфологи ограничивались рассмотрением случаев множественного выражения, подобных латинскому перфекту или русскому числу, характеризующихся очевидной

¹ Не говоря о — также сомнительной с точки зрения описательной адекватности — отстаиваемой И. А. Мельчуком трактовке практически любых сочетаний префиксов и суффиксов как нечленимых «циркумфиксов», см. критику такого подхода, например, в работе [Кибрик 1997].

асимметрией морфологических средств (экспонентов), их желание всеми способами избежать «избыточного» описания в пользу «экономного» было вполне объяснимо. Невозможно, однако, таким же образом «отменить» двойное выражение, например, множественного числа в абазинских формах вроде *ахъа-чва-ква* ‘мужчины’ [Табулова 1976: 48], где *-чва* /ča/ — суффикс множественного числа у обозначений лиц, а факультативно присоединяющийся к нему суффикс *-ква* /kʷa/ — дефолтный показатель множественного числа. Столь же невозможно «обойти» множественное выражение согласовательного класса в бацбийской глагольной словоформе из следующего примера:

(1) БАЦБИЙСКИЙ [Harris 2009: 268]

<i>tišin</i>	<i>c'a</i>	<i>daḥ</i>	<i>d-ex-d-o-d-anō</i>
старый	дом.ABS	PVB	СМ-разрушать-СМ-PRS-СМ-EVID

‘Они, очевидно, сносят старый дом’.

Действительно, в обоих указанных случаях совершенно не очевидно, какой из нескольких показателей, выражающих в данной словоформе ту или иную граммему (множественное число в абазинском, согласовательный класс в бацбийском), «следует выбрать в качестве носителя значения», а само такое описание, как кажется, ни в каком разумном смысле не будет ни более экономным, ни более интуитивно приемлемым, чем постулирование очевидного, а именно неоднократного выражения одной и той же грамлемы в составе словоформы.

Обсуждение рецензируемой монографии следует начать с того, что это фактически первая — если не считать более ранней статьи [Caballero, Harris 2012] — в лингвистике работа, обратившаяся от чисто теоретических материй к очевидному и наиболее интересному комплексу вопросов, а именно, какие типы множественного выражения вообще представлены в языках мира, каковы их диахронические источники, пути развития и гипотетическая функциональная мотивация. Автор книги, видный американский лингвист Элис Харрис, профессор Массачусетского университета в г. Амхерст, известна российскому читателю в первую очередь благодаря давно ставшим классическими трудам по синхронной и исторической грамматике картвельских языков [Harris 1981; 1985], а также написанному в соавторстве с Л. Кэмпбелом трактату по историческому синтаксису [Harris, Campbell 1995]. Не будет ошибкой сказать, что основной фокус научных интересов Харрис — типологически редкие явления морфосинтаксиса и их историческое объяснение, ср. еще одну ее книгу [Harris 2002], посвященную детальной реконструкции возникновения такого «экзотического» явления, как эндоклитики в удинском языке, или статью [Harris 2008], где предлагается общая диахроническая модель объяснения типологически редких явлений. Представленное в рецензируемой книге фундаментальное типологическое исследование множественного выражения, одного из наименее изученных явлений морфологии, несомненно, находится в том же ряду.

Эмпирическую основу книги составляют многочисленные и разнообразные случаи множественного выражения из самых разных языков: индоевропейских, картвельских, северокавказских, сино-тибетских, афразийских, а также языков различных языковых семей Африки, Америки и Океании, — выборка, разумеется, не сбалансированная, но весьма представительная². Чрезвычайно широк и круг рассматриваемых вопросов: помимо определения множественного выражения и отграничения его от смежных явлений, классификации наблюдаемых типов множественного выражения и реконструкции их диахронических истоков, это и обзор немногочисленных исследований этого явления с точки зрения экспериментальной психолингвистики, и подробный критический анализ представленных в литературе подходов к моделированию множественного выражения, и собственные теоретические построения автора. При этом восемь глав книги (не считая необходимого аппарата

² Как отмечает Харрис на с. 51, «почти каждый исследователь какого-либо языка, к которому я обращалась, мог предоставить мне пример множественного выражения из этого языка» (перевод здесь и далее мой).

и небольших приложений) занимают всего 250 страниц. Каждая глава завершается кратким изложением основных вопросов и выводов.

В главе 1 («Introduction») Харрис дает определение объекту исследования («множественное выражение — наличие в рамках одной словоформы нескольких реализаций одного и того же морфосемантического признака, пучка таких признаков или деривационной категории»³, с. 9) и подробно обсуждает отличие множественного выражения от таких морфологических явлений, как значимое повторение признака в пределах слова (например, посессивные прилагательные в грузинском могут образовываться от формы множественного числа существительного и сами принимать множественное число, ср. [saq 'ur-*eb*]-*ian-eb-i* 'имеющие серьги', где первый суффикс *-eb* плюрализует обладаемое, а второй — обладателя), редупликация, фонологически обусловленные альтернации морфем, множественность основ, двухчастные (bipartite) показатели вроде циркумфиксов и распределенное выражение. Последние два случая заслуживают более подробного рассмотрения.

Харрис предлагает отделять множественное выражение от циркумфиксации (и вообще сложных показателей, поскольку сочетание префикса и суффикса, естественно, лишь один из частных случаев) на основании независимости средств выражения. Так, в австронезийском языке тондано имена места образуются с помощью комбинации показателей *ka-* ... *-an* (с. 19), ни один из которых не используется самостоятельно, и тем самым они представляют собою циркумфикс; напротив, каждое из трех вхождений классного показателя в глагольную форму в бабийском примере (1) обусловлено отдельными закономерностями, которые сочетаются в данной конкретной словоформе, однако независимы друг от друга, так что здесь мы имеем дело именно с множественным выражением *sensu stricto*, а не с гипотетической разрывной морфемой.

«Распределенное выражение» (distributed exponence) — термин, введенный в работе [Caballero, Harris 2012] для случаев, когда «более одного показателя используется для выражения единственной категории таким образом, что показателю не может быть приписано никакого конкретного значения, лишь дистрибуция относительно категорий»⁴ (с. 20). Хорошим примером распределенного выражения может послужить грузинское спряжение, где конкретные значения признаков времени, аспекта и наклонения по большей части выражаются не конкретными морфемами, а комбинациями префиксов и суффиксов, каждый из которых по отдельности встречается в клетках парадигмы, никаким общим признаком вроде бы не объединенных (см., впрочем, анализ в недавней статье [Бондаренко 2017])⁵.

Также Харрис кратко останавливается на вопросе о важности для общей морфологической теории множественного выражения, которое, как уже было отмечено, многие считают маргинальным исключением. Действительно, именно ситуации, когда одному значению в составе словоформы соответствует несколько существующих независимо друг от друга способов выражения, наиболее наглядно демонстрируют различия между разными моделями морфологии и, в частности, эмпирическую неадекватность тех моделей, которые исходят из постулата о двусторонних морфемах как «кирпичиках», из которых собираются как означаемое, так и означающее словоформы.

Глава 2 («Multiple exponence in linguistic theory: A history of the inquiry») представляет собой сжатый, но весьма информативный очерк истории изучения и моделирования множественного выражения в теоретической морфологии. Обсуждается проблематичность множественного выражения для таких теоретических понятий, как блокирование (blocking)

³ «Multiple (or extended) exponence is the occurrence of multiple realizations of a single morphosemantic feature, bundle of features, or derivational category within a word».

⁴ «Distributed exponence is the use of more than one morph to realize a single category, but in such a way that no meaning can be assigned to a morph, only a distribution with respect to categories».

⁵ Распределенное выражение практически любых грамматических значений — ведущая типологическая характеристика языков семьи моурхед-уасур в южной части Новой Гвинеи, см. [Evans 2015; Döhler 2016].

или действие правил по умолчанию (elsewhere condition), должных запрещать появление регулярного аффикса там, где кодируемое им значение уже выражено нерегулярной формой или основой, и для выдвинутой С. Андерсоном концепции «разделенной морфологии» (split morphology hypothesis), предполагающей невозможность взаимодействия словообразовательных (работающих в лексиконе) и словоизменительных (происходящих в синтаксисе) морфологических процессов. Рассматриваются подходы к множественному выражению в ряде популярных морфологических моделей, таких как влиятельная в генеративистской среде распределенная морфология (Distributed Morphology) М. Халле и А. Марантца, минималистская морфология Д. Вундерлиха с ее «принципом избыточности» (non-redundancy), в рамках которой множественному выражению посвящена любопытная работа [Ortmann 1999], морфология парадигматических функций (Paradigm Function Morphology) Г. Стампа, в которой множественное выражение является вполне «законным» и предусмотренным теорией явлением, для формализации которого имеется несколько механизмов, наконец, теория оптимальности, к которой автор затем обратится в главе 7, предлагая свой собственный подход к моделированию множественного выражения. Возможно, Харрис следовало бы уделить больше внимания ряду работ Э. Карстейрса-Маккарти, который, в отличие от многих морфологов, признает множественное выражение и предлагает небезынтересные ограничения на его реализацию, см. [Carstairs-McCarthy 1992: Ch. 7; 2001; 2002; 2010].

В главе 3 («Frequently found types of multiple exponence») излагается эмпирическая часть исследования. Вначале Харрис кратко описывает материал и методологию, отмечая, в частности, что в конкретном языке может быть представлено несколько различных типов множественного выражения, следовательно, каждый случай необходимо рассматривать по отдельности. Харрис предлагает говорить об отношении множественного выражения, в котором могут находиться конкретные морфологические экспоненты, способные при этом соотноситься как с идентичными, так и с пересекающимися наборами граммем (к первому типу относится баббийский пример (1), ко второму — латинский перфект). Кроме того, противопоставляются лексически обусловленные и систематические случаи множественного выражения; если случаи первого типа, к которым относятся, в частности, русские формы типа *друзья*, должны задаваться списком и могут рассматриваться как исключения из общих правил, то вторые, напротив, являются результатом применения морфологических закономерностей, действующих на всем множестве релевантных лексем языка. Вопреки убеждению многих лингвистов, систематическое множественное выражение широко представлено в языках мира.

Основную часть главы занимает описание выделяемых Харрис четырех основных типов множественного выражения:

I. Множественное выражение с зависимостью (dependency) между экспонентами.

Тип 1. **Периодическое** (periodic) множественное выражение: появление одного из экспонентов, входящих в отношение множественного выражения, имплицитно используется в составе словоформы другого показателя, называемого **носителем** (carrier) данного экспонента. Схематически: В-Е-С-Е, где Е — экспоненты в отношении множественного выражения, В — основа, С — носитель. Множественное выражение этого типа, иллюстрируемое, например, баббийской формой в (1), где носителями зависимых экспонентов именного класса выступают суффиксы времени и эвиденциальности, как правило, является систематическим.

Тип 2. **Чередующееся** (alternating) множественное выражение в целом сходно с периодическим, отличаясь от него следующими признаками: во-первых, морфема-носитель сама по себе никак не связана с зависимым экспонентом, но лишь вызывает его появление; во-вторых, множественное выражение этого типа нередко факультативно, сосуществуя с более простой формой; в-третьих, чередующееся множественное выражение практически всегда лексически обусловлено. Примером такого множественного выражения может служить один из вариантов склонения указательного местоимения *tohle* в чешском языке, ср. форму гентива ед. ч. *tohhleho*.

II. Множественное выражение без зависимости между экспонентами.

Тип 3. **Усилительное** (reinforcement) множественное выражение: экспоненты обычно следуют друг за другом и чаще не совпадают по форме, причем экспонент, расположенный дальше от корня, нередко факультативен. Примером такого типа может служить приведенная выше форма множественного числа обозначений людей в абазинском языке.

Тип 4. **Случайное** (accidental) множественное выражение: экспоненты не совпадают ни по форме, ни по набору выражаемых граммем. К этому типу можно отнести множественное выражение латинского перфекта с помощью, с одной стороны, специализированных аффиксов или чередований в основе, и с другой стороны, особого набора суффиксов, выражающих помимо этого лицо и число субъекта и активный залог.

Каждому из типов множественного выражения в главе посвящен отдельный раздел, в котором рассматривается по несколько примеров из различных языков. Периодическое множественное выражение представлено в таких языках, как нахско-дагестанские (бацбийский, арчинский), сино-тибетские (чамлинг), атлантические (ноон), сентани (Новая Гвинея). Чередующееся множественное выражение встречается, например, в чешском и словенском языках (клонение местоимений), мексиканском диалекте испанского (сочетания глагольных форм с местоименными клитиками), чичева (банту; деривационные аффиксы). Усилительное множественное выражение отмечено, в частности, в кушитском языке оромо (субъектный падеж существительных), в сванском языке (мультиобъектные формы глаголов), в хиналугском, удинском, абхазском и абазинском языках⁶ (множественное число существительных). Случайное множественное выражение представлено, например, в целом ряде нахско-дагестанских языков, где наряду с суффиксом множественного числа многие существительные имеют также показатель косвенной основы множественного числа. Не вполне очевидно, к какому из последних двух типов следует отнести не упоминаемый Харрис случай выражения множественного числа абсолютного актанта в убыхском языке [Fenwick 2011: 135–136], которое, наряду с лично-числовыми префиксами, может обозначаться также выбором префикса каузатива, супплетивной формой корня, специальным суффиксом и суффиксами времени, причем все эти показатели могут сочетаться, ср. пример (2).

(2) убыхский [Fenwick 2011: 138]

v-z-ʋz-dʒx-ɛ-n

3.ABS-1SG.ERG-CAUS.PL-встать.PL-PL-PRS

‘Я заставляю их встать’.

С формальной точки зрения множественное выражение в убыхском является «случайным», однако при этом правила, требующие его появления, носят абсолютно систематический характер.

Отдельно и довольно подробно обсуждаются случаи множественного выражения, в которых по крайней мере один из экспонентов не аффикс, а чередование или тон (немецкие существительные типа *Hand* ‘рука’ ~ *Hände* ‘руки’ или спряжение в ото-мангских языках, выражающееся с помощью комбинации префиксов, чередований основы и тонов), а также множественное выражение в составе композитов, как в примере (3) из кубанского диалекта кабардинского языка, где два корня оформляются общими суффиксами числа и падежа, однако сохраняют каждый свои собственные префиксы лица и числа посессора:

(3) КАБАРДИНСКИЙ (текстовый пример из полевых записей рецензента)

w-jade-w-jane-xe-m

2SG.PR-отец-2SG.PR-мать-PL-OBL

‘твой отец и мать’

Среди примеров этого типа, приводимых Харрис, имеются сложные глаголы, имена, местоимения и числительные самых разных языков. Основная аналитическая проблема трактовки таких случаев как множественного выражения состоит в том, чтобы доказать, что

⁶ Запднокавказские примеры Харрис, по-видимому, неизвестны.

сложная лексема, компоненты которой по крайней мере частично сохраняют самостоятельное словоизменение, тем не менее представляет собой морфологическое единство (ср. неясный в этом смысле статус таких русских композитов, как *кресло-качалка*).

Наконец, исследуется взаимодействие множественного выражения с синкретизмом (парадигматической омонимией), которое проявляется в том, что разные экспоненты, вступающие в отношение множественного выражения, могут одновременно участвовать в несовпадающих моделях синкретизма, ср. фрагмент парадигмы классных префиксов и суффиксов определенности и релятивизации в атлантическом языке басари (с. 85):

Таблица

Синкретизм множественных экспонентов именного класса в басари

Класс	Классный префикс	Суффикс определенности	Суффикс релятивизации
6	ɔ-	-ɔŋ	-ɔŋd
7	ɛ-	-ɛl	-ɛd
8	ɔ-	-ɔl	-ɔr
11	ɔ-	-ɔŋ	-ɔr

Глава 4 («Psycholinguistic approaches») содержит обзор немногочисленных психолингвистических исследований множественного выражения. В первом разделе описываются результаты экспериментов, поставленных самой Харрис и ее коллегами и направленных на изучение восприятия множественного выражения разных типов. Эксперименты с периодическим множественным выражением проводились с носителями бацбийского языка и показали, что восприятие словоформ с несколькими классными показателями требует больших когнитивных усилий, чем восприятие словоформ с одним классным показателем. Напротив, эксперимент с усилительным множественным выражением каузативных и аппликативных показателей в юто-ацтекском языке рарамури (тараумара, Мексика) показал, что множественное выражение существенно способствует правильному опознаванию словоформ в условиях шумовых помех. Харрис справедливо отмечает, что результаты двух описанных экспериментов трудно сопоставлять и интерпретировать, поскольку в них использовались неодинаковые методы в неодинаковых условиях, а сами типы множественного выражения слишком различны.

Во втором разделе главы Харрис дает обзор исследований усвоения детьми множественного выражения в английском и немецком языках; имеются в виду формы претерита английских глаголов типа *tell ~ told* ‘сказать’ или *lose ~ lost* ‘потерять’, где наряду с регулярным суффиксом наблюдается изменение основы, или уже упомянутые немецкие формы множественного числа вроде *Hände* ‘руки’. Среди ошибок, которые делают дети, усваивающие английский язык, регулярно встречаются формы с избыточным маркированием вроде *gotted* ‘получил’ (вместо *got*), в том числе от регулярных глаголов (*useded* ‘использовал’ вместо *used*). Вслед за рядом авторов Харрис выдвигает гипотезу о том, что такие формы с множественным выражением возникают вследствие склонности детей выражать значения как можно более эксплицитно, что может служить источником некоторых случаев усилительного множественного выражения. Отдельно Харрис рассматривает работы о восприятии и усвоении немецких сильных глаголов, демонстрирующие, что формы последних трактуются носителями как единое целое, не подвергаясь морфологическому анализу. Тем самым возможно, что с психолингвистической точки зрения сочетание аффиксального и аблаутного способов выражения в сильных глаголах нужно рассматривать не как множественный, а как единый экспонент. В любом случае, отмечает Харрис, необходимо существенно больше экспериментальных исследований множественного выражения, причем разных типов и в том числе систематических случаев.

Главы 5 и 6 посвящены диахроническим истокам различных типов множественного выражения и в определенном смысле могут быть названы самыми важными в книге. В главе 5 («Origins of type 1 (periodic) multiple exponence») рассматриваются источники

периодического множественного выражения — единственного типа множественного выражения, которое, согласно Харрис, представляет собой закономерный продукт процессов грамматикализации. Основной источник возникновения периодического множественного выражения в глагольной морфологии — грамматикализация конструкций со вспомогательными глаголами (которые, в свою очередь, восходят к полипредикативным конструкциям), а в именной морфологии — грамматикализация конструкций с артиклями и иными детерминаторами. Общим условием возникновения множественного выражения в обоих случаях является изменение и лексического, и вспомогательного элемента по хотя бы частично пересекающимся множествам граммем (например, лица или времени в случае глагола или падежа или класса в случае имени). Тем самым исходная предпосылка возникновения периодического множественного выражения — либо сбалансированное синтаксическое подчинение (без существенной декатегоризации как лексического глагола, так и вспомогательного), либо согласование в рамках именной группы. Процессы такого рода реконструируются для дравидийских (перфект в языках пенго и конда), нахско-дагестанских (классно-числовое согласование глагола в бацбийском и прилагательных в аварском), тибето-бирманских языков группы киранти, индоарийских языков (будущее время в хинди), различных ветвей нигеро-конголезской макросемьи (классное согласование в ряде атлантических языков, а также в некоторых языках групп ква и гур). Множественное выражение такого типа может возникать и в композитах, как в сложных глаголах языков хочанк (семья сиу, США) или чамлинг (группа киранти).

Во всех этих случаях в ходе грамматикализации или универбации возникают так называемые «запертые» (trapped) морфемы, оказавшиеся «закатыми» между корнем и аффиксом либо между двумя корнями (В-Е-С-Е). Несмотря на то, что во многих случаях такие морфемы либо устраняются, либо окаменевают, переставая осознаваться как экспоненты граммем (В-Е-С-Е > В-С-Е), имеются ситуации, когда, напротив, устраняются периферийные экспоненты (В-Е-С-Е > В-Е-С), как в дравидийском языке пенго (формы перфекта), или в одном из диалектов лазского (будущее время), или в амхарском языке (формы перфекта). Харрис отмечает, что сохранение или устранение «запертых» показателей в конкретном языке связано не столько с гипотетической (добавлю: возможно, скорее даже мифологической) тенденцией к экономии и сокращению избыточности, сколько с тем, насколько та или иная морфологическая структура согласуется с распространенными в данном языке моделями парадигматики и морфотактики. В заключение главы Харрис указывает на то, что частотные диахронические источники периодического множественного выражения позволяют объяснить такие синхронно наблюдаемые свойства этого явления, как систематический характер, одинаковые наборы граммем у экспонентов, их нередкое формальное совпадение и обычное для данного типа дистантное расположение в словоформе.

Глава 6 («Origins of types 2-4: Alternating, reinforcement, and accidental multiple exponence») посвящена диахроническим истокам множественного выражения трех других типов. Чередующееся множественное выражение, как правило, является промежуточным этапом процесса так называемой «экстернализации» (externalization) словоизменительных показателей [Haspelmath 1993], который можно проиллюстрировать эволюцией неопределенных местоимений в грузинском языке. Вначале к регулярно изменяющемуся вопросительному местоимению присоединяется клитика (*ra-s* 'кто-DAT' > *ra-s=me* 'кому-то'), которая в ходе истории реанализируется как часть основы, в результате чего возникает новое регулярно изменяющееся местоимение (*ra-me-s* 'кто-INDF-DAT'); промежуточным же этапом этого развития оказывается форма с падежным показателем как в старой, так и в новой позициях (*ra-s-me-s* 'кто-DAT-INDF-DAT'), то есть чередующееся множественное выражение. Аналогичные случаи отмечаются в целом ряде индоевропейских языков (см. вышеупомянутые чешский и словенский), баскском, якутском, арренте (Австралия) и др.

Среди источников усилительного множественного выражения Харрис выделяет расширение по аналогии и заимствование. Случаи первого типа представлены, например, в одном из вариантов языка лингала (банту), где показатель множественного числа класса людей

ba- был переосмыслен в качестве дефолтного экспонента множественного числа и стал присоединяться слева от других классно-числовых показателей, ср. *tata* ‘отец’ ~ *ba-tata* ‘отцы’, *li-loba* ‘слово’ ~ *ma-loba* ~ *ba-ma-loba* ‘слова’. Сходное развитие Харрис реконструирует для одного из типов образования эвиденциального перфекта в грузинском языке, восходящего к древнегрузинским аналитическим конструкциям с неизменяемым причастием и вспомогательным глаголом (*damalul v-ar* ‘спрятавшийся есмь’); при универбации компонентов конструкции возникли формы с аномальной позицией личного префикса (после корня и показателя причастия), что в ходе аналогического выравнивания привело к появлению второго личного показателя в стандартной позиции после проверба (*da-v-malul-v-ar*). Другой такой случай в грузинском — двойное выражение лица-числа в уникальных для этого языка конструкциях с глаголом-филлером с инкорпорированным местоимением, как в примере (4), где личные префиксы дублируются из-за «расщепления» нормальной для них позиции между провербом и корнем.

- (4) грузинский
ga-v-a-imas-v-ken-i
 PVB-1SBJ-CV-ЭТОТ-1SBJ-делать-AOR
 ‘я его это самое’

По мнению Харрис, многие случаи усилительного множественного выражения можно объяснить тенденцией к регуляризации и большей прозрачности морфологической структуры. Новый маркер для выражения граммемы добавляется в существующую форму либо рядом со старым показателем, ставшим нерегулярным или низкочастотным, либо в той позиции, где такому показателю надлежит находиться в соответствии с общими принципами морфотактики данного языка.

К документированным случаям возникновения множественного выражения в результате заимствования относятся префиксы именного класса в языке мондунга (семья адамау-убанги), заимствованные из языков банту «в дополнение» к существующим в мондунга классно-числовым суффиксам, а также ряд глагольных образований в эфиосемитских языках, где двойное выражение, скорее всего, калькировано с кушитских моделей.

Что касается случайного множественного выражения, то к его возникновению может привести в принципе любое морфологическое изменение, затрагивающее экспоненты с пересекающимися наборами граммем. Так, грамматикализация личных местоимений в показателе субъекта в бацбийском глаголе привела к возникновению множественного выражения граммемы числа, экспонентами которой являются уже знакомые нам классные показатели. Помимо описанных, возможны и другие конкретно-языковые пути возникновения множественного выражения тех или иных типов, в том числе систематического. Харрис рассматривает примеры из языков скоу (семья ско, Новая Гвинея) и северный омето (омотские, Эфиопия), в детали которых мы здесь вдаваться не станем.

Наконец, помимо путей возникновения множественного выражения, Харрис уделяет внимание и способам его устранения, таким как стяжение с удалением одного из экспонентов, фузия, приводящая к слиянию двух экспонентов в один неделимый аффикс, окаменение одного из показателей и простая утрата «лишнего» аффикса.

В главе 7 («Analysis of multiple exponence») Харрис возвращается к вопросу о репрезентации множественного выражения в моделях морфологии и к проблемам, которые это явление ставит перед морфологическими теориями. Наиболее общие из этих проблем связаны с тем, что множественное выражение явным образом нарушает принцип «одно значение — одна форма», равно как и принципы экономии («язык избегает избыточного выражения») и иконичности («больше средств выражения соответствует большему набору значений»). Также множественное выражение ставит проблемы перед универсальными принципами упорядочивания морфем и многими постулатами конкретных теорий, часть из которых уже обсуждалась в главе 2. Харрис показывает, что предлагавшиеся в литературе подходы к множественному выражению как, например, частному случаю гармонии

фонологических признаков, «копированию» формы вроде редупликации, «дублированию» граммем, равно как и попытки описать множественное выражение как циркумфиксы или сложные экспоненты других типов или взаимодействие аффиксов с основами, адекватны в лучшем случае для единичных явлений конкретных языков, но никак не могут описать все многообразие случаев множественного выражения. Также Харрис довольно подробно рассматривает проблемы, которые систематическое множественное выражение ставит перед моделями, опирающимися на принципы «блокирования» и «выражения по умолчанию», показывая эмпирическую неадекватность как первого принципа, запрещающего регулярные экспоненты граммемы, выраженной с помощью основы (так, в грузинском языке множественное число актантов выражается с помощью суффикса *-t* в том числе с теми глаголами, у которых наблюдается супплетивизм основы по числу), так и более общего второго принципа, запрещающего появление менее специфицированного экспонента там, где данное значение уже выражено более специфицированным показателем (так, в сванском и древнегрузинском суффиксы множественного числа сочетались с префиксами, также выражающими данную граммему).

Харрис убедительно демонстрирует, что множественное выражение ставит непреодолимые проблемы перед подходами к морфологии, исходящими из того, что словоформы строятся по синтаксическим принципам. Во-первых, многие случаи множественного выражения, в том числе систематические, не имеют никаких видимых синтаксических «рефлексов»; кроме того, если вернуться к уже знакомому нам бацбийскому, то никаких синтаксических различий, предсказываемых теорией, в которой структура словоформы напрямую соответствует синтаксической деривации, не наблюдается между глагольными формами с разным числом классовых показателей или вовсе без них. Что же касается разных остроумных способов обойти действие полагаемых универсальными принципов синтаксического построения словоформ на основе экономии и прямого соответствия между синтаксисом и морфологией, предлагаемых в ряде работ в рамках распределенной морфологии, то Харрис показывает, что все они имеют низкую объяснительную силу и фактически лишают смысла ограничения теории.

В заключении главы Харрис предлагает свой собственный подход к моделированию множественного выражения в рамках реализационной теории оптимальности [Xu, Aronoff 2011]. Эта модель оперирует понятием «управляющей морфемы» (*governing morpheme*) — такой, которая требует рядом с собой экспонента какой-либо другой граммемы. Набор управляющих и зависимых морфем, разумеется, свой для каждого языка. Множественное выражение делается возможным тогда, когда универсальное ограничение Gov-morph («граммемы уровня слова выражаются зависимыми словоизменительными показателями»)⁷ ранжировано выше универсального ограничения экономии *FEATURE SPLIT, запрещающего неоднократное выражение граммем. Понятие управляющей морфемы позволяет описывать периодическое и чередующееся множественное выражение, но непригодно для других типов. Для усилительного множественного выражения Харрис предлагает ограничение PARSE, апеллирующее к таким понятиям, как вычленимость, продуктивность, регулярность или частотность; как кажется, в рамках теории оптимальности такое ограничение слишком размыто. Наконец, случайное множественное выражение может быть описано лишь конкретно-языковыми ограничениями. Данный раздел книги Харрис представляется мне менее удачным и недостаточно проработанным, а ее утверждение, что теория оптимальности «может описать широкий круг явлений множественного выражения (...) в рамках ограничительного подхода к морфологии»⁸, — слишком оптимистичным, поскольку предлагаемый ею подход, фактически, допускает какие угодно ограничения, способные описать какие угодно данные. Само по себе это, возможно, и неплохо, учитывая многообразие, разнородность и неизбежно конкретно-языковой характер морфологических явлений, однако в таком случае,

⁷ «Word-level features are realized on dependent inflectional morphemes» (с. 222).

⁸ «can account for a wide range of [multiple exponence] (...) while providing a constrained approach to morphology» (с. 225).

по мнению рецензента, следовало бы честно признать невозможность построения обобщающей ограничительной морфологической теории, предсказывающей, например, принципиальную невозможность тех или иных случаев множественного выражения.

Глава 8 («Explanations») посвящена вопросам, на которые не могут ответить формальные теории морфологии, но которые автор книги, наряду с вопросом о диахронических истоках множественного выражения, полагает наиболее содержательными: почему множественное выражение часто связано со специфическим порядком аффиксов и почему формально тождественные аффиксы почти никогда не следуют непосредственно друг за другом? почему множественное выражение вообще сохраняется в языках в нарушение принципов экономии, иконичности и однозначного соответствия между формой и значением?

Ответ на первый вопрос дает диахрония. Если взять периодическое множественное выражение, на которое приходится большинство случаев тождества экспонентов, здесь источники и характер грамматикализации чаще приводят к таким морфологическим структурам, где экспоненты одной граммы отделены друг от друга каким-либо материалом (основой либо морфемой-носителем). Напротив, будучи основным источником соположенных экспонентов, усилительное множественное выражение чаще всего предполагает нетождественные показатели. Словоформы с соположенными тождественными экспонентами возникают в одном из трех случаев: 1) усиление с помощью того же аффикса; 2) универбация конструкции, в которой одинаковые экспоненты появляются, соответственно, в суффиксальной и префиксальной позициях и оба оказываются «запертыми»; 3) универбация конструкции со стандартным порядком с утратой основы вспомогательного элемента. Все эти случаи весьма редки, но и даже тогда, когда на каком-то этапе идентичные экспоненты оказываются рядом, они могут претерпевать процессы, приводящие к их расподоблению. Тем не менее Харрис приводит такие примеры тождественных соположенных экспонентов, как формы множественного числа некоторых существительных гунзибского языка (например, *bež-la-la-s* 'стойло-PL-OBL.PL-GEN'), классное согласование даргинских глаголов или прилагательных языка чичева (банту), лично-числовые формы глагола в языке думи (тибетобирманские > киранти), аппликативные формы глагола в языке лувале (банту; например, *ngw-a-semuw-il-il-ile* 'я там родился(-APPL-APPL)').

Харрис также обсуждает факторы, обуславливающие усиление морфологических экспонентов, нередко приводящее к множественному выражению. Хотя усилению подвергаются, как правило, непродуктивные и хуже вычленимые показатели, есть примеры случаев, когда каждый из множества алломорфов может усиливать другой (медиопассивные суффиксы глаголов в сванском). Другой вопрос заключается в том, почему при усилении более прозрачный показатель вообще присоединяется «поверх» старого, а не заменяет его, что было бы более «естественно» с точки зрения экономии, иконичности и однозначности. Это Харрис объясняет тем, что непродуктивные и нерегулярные морфологические показатели в силу самой своей более слабой вычленимости не могут быть попросту опущены; кроме того, морфология языка, особенно ее более старая и нерегулярная часть, — наиболее консервативная область грамматики, хуже подверженная регуляризующим изменениям.

Рассматривая взаимодействие множественного выражения с порядком аффиксов, Харрис опять-таки предлагает диахронические объяснения. Согласно наиболее известным «универсалиям», касающимся упорядочивания морфологических показателей (см., например, [Гринберг 1970] и [Bybee 1985]), «естественный» порядок предполагает, что словообразовательные показатели расположены ближе к корню, чем словоизменительные, а последние, в свою очередь, располагаются в соответствии со своей семантической сферой действия (например, залог < аспект < время < наклонение < согласование). Описанная в главе 5 грамматикализация структур с множественным выражением закономерно вызывает нарушение этого порядка, приводя к тому, что, например, показатели времени или согласования оказываются «зажаты» между основой и словообразовательным аффиксом. Дальнейшее развитие может «исправлять» нестандартный порядок морфем, попутно избавляясь и от множественного выражения.

Наконец, Харрис задается вопросами о том, почему множественное выражение все-таки является, скорее, типологической редкостью и почему оно тем не менее существует в качестве стабильного морфологического средства во многих языках. Харрис отвергает предложенное С. Андерсоном [Anderson 2005]⁹ объяснение, гласящее, что некоторые явления редки в силу того, что редки источники и пути их возникновения, утверждая, что для периодического и чередующегося множественного выражения существует множество источников и соответствующих им путей развития, а усилительное множественное выражение вообще может спонтанно появиться в любом языке со сколько-нибудь развитой морфологией. Однако же ни один из обнаруженных Харрис диахронических сценариев, как она показывает на примерах, не ведет непременно к появлению множественного выражения, а само множественное выражение, возникая в языке, нередко устраняется дальнейшими историческими процессами.

Почему же тем не менее языки «терпят» множественное выражение? Ответ на этот вопрос в значительной степени лежит в области спекуляций, из которых Харрис выделяет следующие. Во-первых, есть свидетельства того, что множественное выражение может в ряде случаев повышать полезную избыточность или служить построению «правильной» фонотактики, например устранять зияния гласных. Во-вторых, как уже говорилось выше, «избавление» от множественного выражения может требовать трудно осуществимых манипуляций со слабо вычленимыми показателями. В-третьих, множественное выражение, как и вообще избыточная морфологическая сложность, может иметь «символическое» значение для носителей языка, особенно в небольших и изолированных сообществах, где преобладают усложняющие языковые изменения (см. об этом, в частности, [Бердичевский 2012: 116–120]). В связи с этим хочется отметить, что выработанные на материале крупных языков современного общества теоретические конструкты вроде «экономии», «иконичности» и «однозначного соответствия формы и значения», хорошо подходящие для объяснения изменений в сторону упрощения, происходящих при усвоении второго языка взрослыми, по всей видимости, крайне ограниченно применимы к подавляющему большинству языков, в особенности малых, изменения в которых происходят без участия неносителей и по совершенно иной логике.

Краткие приложения содержат дополнительные иллюстративные примеры множественного выражения (приходится признать, что отсутствие морфемного членения и каких-либо выделений в парадигмах бацбийских глаголов, финских неопределенных местоимений и особенно мансийских посессивных парадигм усложняет восприятие), в частности представлятельный перечень случаев сочетаний суффиксов множественного числа и косвенной основы множественного числа у существительных в нахско-дагестанских языках. В книге имеются также обширный список литературы и указатели имен, языков и понятий.

Из немногочисленных критических замечаний, помимо нескольких, высказанных выше, укажу на то, что не вполне удачным представляется выбор термина «кумуляция» (cumulation) для случаев, когда повторение морфологического показателя вносит дополнительную семантику по сравнению с употреблением единственного его экземпляра (с. 11–14), ведь этот термин уже давно закреплен за совершенно иным значением. Описание четырех типов множественного выражения в начале главы 3 следовало бы, на мой взгляд, сделать более однозначным, поскольку в имеющемся виде оно создает впечатление, скорее, перечисления пересекающихся множеств типичных признаков, нежели четкой классификации. Сверх того, книга могла бы быть лучше отредактирована. Так, отсутствует перевод примера (45) из языка рарамури на с. 8; имеется ряд опечаток, в том числе в болгарском примере (64) на с. 81 (должно быть *studēnti-otličnici*, как в источнике, из которого взят пример).

В целом же книга Э. Харрис «Множественное выражение» представляет исключительный интерес и демонстрирует редкое сочетание глубокой эмпирической работы на представительном и разнообразном языковом материале, проницательного и критичного разбора

⁹ Харрис ошибочно датирует эту программную статью С. Андерсона 2004 г., помещая ее в выпуск «Yearbook of Morphology» за 2003 г.

теоретических подходов и убедительного историко-типологического анализа. Все это Харрис удалось уместить в одной весьма компактной монографии. Разумеется, рецензируемая книга делает, скорее, первый шаг в направлении полноценного типологического, диахронического и теоретического (не говоря о психолингвистическом) анализа множественного выражения и ставит не меньше вопросов, чем дает ответов, однако шаг этот нельзя не признать чрезвычайно существенным продвижением вперед.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2	— 1-е, 2-е лицо
ABS	— абсолютив
AOR	— аорист
APPL	— аппликатив
CAUS	— каузатив
CM	— классный показатель
CV	— «характерный гласный» картвельских языков
DAT	— датив
ERG	— эргатив
EVID	— эвиденциальность
GEN	— родительный падеж
INDF	— неопределенность
OBL	— косвенный падеж
PL	— множественное число
PR	— посессор
PRS	— настоящее время
PVB	— преверб
SVJ	— субъект
SG	— единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бердичевский 2012 — Бердичевский А. С. Языковая сложность // Вопросы языкознания. 2012. № 5. С. 101–124. [Berdičevskis A. S. Language complexity. *Voprosy jazykoznanija*. 2012. No. 5. Pp. 101–124.]
- Бондаренко 2017 — Бондаренко Т. И. Две аспектуальные подсистемы в грузинском языке // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 74–100. [Bondarenko T. I. Two aspectual subsystems of Georgian. *Voprosy jazykoznanija*. 2017. No. 4. Pp. 74–100.]
- Гринберг 1970 — Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Успенский Б. А. (ред.). Новое в лингвистике. Вып. 5: Языковые универсалии. М.: Прогресс, 1970. С. 114–162. (Greenberg J. H. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements. *Universals of human language*. Greenberg J. H. (ed.). Cambridge (MA): MIT Press, 1963. Pp. 73–113.)
- Кибрик 1997 — Кибрик А. Е. Иерархии, роли, нули, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической семантики // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 27–57. [Kibrik A. E. Hierarchies, roles, zeroes, markedness, and «anomalous» package of grammatical semantics. *Voprosy jazykoznanija*. 1997. No. 4. Pp. 27–57.]
- Мельчук 2001 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. IV. Часть пятая: Морфологические знаки. Пер. с франц. Е. Н. Саввиной, общ. ред. Н. В. Перцова. М.; Вена: Языки славянской культуры; Wiener Slawistischer Almanach, 2001. [Mel'čuk I. A. *Kurs obščej morfologii. T. IV. Čast' pyataya: Morfologičeskie znaki* [A course of general morphology. Vol. IV. Part 5: Morphological signs]. Transl. from French by E. N. Savvina, ed. by N. V. Pertsov. Moscow; Vienna: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury; Wiener Slawistischer Almanach, 2001.]
- Мельчук 2006 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. V. Часть шестая: Морфологические модели. Часть седьмая: Принципы морфологического описания. Пер. с франц. Е. Н. Саввиной, общ. ред. Н. В. Перцова, Е. Н. Саввиной. М.; Вена: Языки славянских культур; Wiener Slawistischer Almanach, 2006. [Mel'čuk I. A. *Kurs obščej morfologii. Tom V. Čast' šestaya: Morfologičeskie*

- modeli. Chast' sed'maya: Printsipy morfologicheskogo opisaniya* [A course of general morphology. Vol. V. Part 6: Morphological models. Part 7: Principles of morphological description]. Transl. from French by E. N. Savvina, ed. by N. V. Pertsov, E. N. Savvina. Moscow; Vienna: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur; Wiener Slawistischer Almanach, 2006.]
- Табулова 1976 — Табулова Н. Т. Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1976. [Tabulova N. T. *Grammatika abazinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [A grammar of Abaza. Phonetics and morphology]. Cherkessk: Karachay-Cherkes Department of Stavropol Book Publ., 1976.]
- Anderson 2005 — Anderson S. R. Morphological universals and diachrony. *Yearbook of Morphology 2004*. Van Marle J., Booij G. (eds.). Dordrecht: Kluwer, 2005. Pp. 1–17.
- Bybee 1985 — Bybee J. L. *Morphology: A study of the relation between meaning and form*. Amsterdam: John Benjamins, 1985.
- Caballero, Harris 2012 — Caballero G., Harris A. C. A working typology of multiple exponence. *Current issues in morphological theory. (Ir)regularity, analogy and frequency. Selected papers from the 14th International Morphology Meeting, Budapest, 13–16 May 2010*. Kiefer F., Ladányi M., Siptár P. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2012. Pp. 163–188.
- Carstairs-McCarthy 1992 — Carstairs-McCarthy A. *Current morphology*. London: Routledge, 1992.
- Carstairs-McCarthy 2001 — Carstairs-McCarthy A. Grammatically conditioned allomorphy, paradigmatic structure, and the ancestry constraint. *Transactions of the Philological Society*. 2001. Vol. 99. No. 2. Pp. 223–245.
- Carstairs-McCarthy 2002 — Carstairs-McCarthy A. How stems and affixes interact. *Morphology 2000. Selected Papers from the 9th Morphology Meeting, Vienna, 24–28 February 2000*. Bendjaballah S., Dressler W. U., Pfeiffer O. E., Voelikova M. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2002. Pp. 49–57.
- Carstairs-McCarthy 2010 — Carstairs-McCarthy A. *The evolution of morphology*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.
- Döhler 2016 — Döhler Ch. *Komnzo: A language of Southern New Guinea*. PhD diss. Canberra: Australian National Univ., 2016.
- Evans 2015 — Evans N. Inflection in Nen. *The Oxford handbook of inflection*. Baerman M. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2015. Pp. 543–575.
- Fenwick 2011 — Fenwick R. S. H. *A grammar of Ubykh*. München: LINCOM Europa, 2011.
- Harris 1981 — Harris A. C. *Georgian syntax: A study in relational grammar*. (Cambridge Studies in Linguistics, 33.) Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1981.
- Harris 1985 — Harris A. C. *Diachronic syntax: The Kartvelian case*. (Syntax and Semantics, 18). San Diego: Academic Press, 1985.
- Harris 2002 — Harris A. C. *Endoclititics and the origins of Udi morphosyntax*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2002.
- Harris 2008 — Harris A. C. On the explanation of typologically unusual structures. *Linguistic universals and language change*. Good J. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. Pp. 54–76.
- Harris 2009 — Harris A. C. Exuberant exponence in Batsbi. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2009. Vol. 27. No. 2. Pp. 267–303.
- Harris, Campbell 1995 — Harris A. C., Campbell L. *Historical syntax in cross-linguistic perspective*. (Cambridge Studies in Linguistics, 74.) Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995.
- Haspelmath 1993 — Haspelmath M. The diachronic externalization of inflection. *Linguistics*. 1993. Vol. 31. No. 2. Pp. 279–309.
- Matthews 1972 — Matthews P. H. *Inflectional morphology: A theoretical study based on aspects of Latin verb conjugation*. (Cambridge Studies in Linguistics, 6.) Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1972.
- Ortmann 1999 — Ortmann A. Affix repetition and non-redundancy in inflectional morphology. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 1999. Vol. 18. No. 1. Pp. 76–120.
- Xu, Aronoff 2011 — Xu Zh., Aronoff M. A Realization Optimality Theory approach to blocking and extended morphological exponence. *Journal of Linguistics*. 2011. Vol. 47. No. 3. Pp. 673–707.